

ISSN 2304-4586

2019
3(254)

У КАРТЫ ТИХОГО ОКЕАНА

2019
№ 3 (254)

Информационно-аналитический
бюллетень
Издаётся с 1974 года

Watching the Pacific
Research and Analytic Report Series

Издатель:

Институт истории, археологии и этнографии
народов Дальнего Востока ДВО РАН

Редакционная коллегия:

Ларин В.Л. (главный редактор)
Песцов С.К. (заместитель главного редактора)
Болдырев В.Е.
Волынчук А.Б.
Горячева Е.А. (ответственный секретарь)
Зуенко И.Ю.
Мишин В.Ю.
Швыдко С.Т.
Ян Чен

Редакционный совет:

Бакланов П.Я.
Белкин В.Г.
Горчаков В.В.
Михеев В.В.
Русецкий Е.А.
Сергиенко В.И.
Толстокулаков И.А.
Фэн Юцзюнь
Хаба Кумико

ISSN 2304-4586 (Print)
ISSN 2304-4632 (Online)

© Институт истории, археологии и этнографии
народов Дальнего Востока ДВО РАН, 2019

СОДЕРЖАНИЕ

Мишин В.Ю., Симоненко А.В. Никто не хотел уступать. К итогам саммита лидеров США и КНДР в Ханое	3
Симоненко А.В. Всеобщие выборы в Таиланде: демократический переход под военное управление	7
Кожевников В.В. Новая эра в Японии.	14
Мишин В.Ю., Горячев Н.Н., Разумов Е.А. К итогам визита председателя КНР Си Цзиньпина в КНДР.	18
Горячев Н.Н., Горячева Е.А. Торговая война между Японией и Южной Кореей: конец альянса?	21
Болдырев В.Е. Отставка помощника президента по национальной безопасности: последствия для американской внешней политики	25
Горячев Н.Н. Соломоново решение.	27

АННОТАЦИЯ

В данном выпуске бюллетеня «У карты Тихого океана» представлены аналитические комментарии сотрудников Центра Азиатско-Тихоокеанских исследований, подготовленные ими в течение 2019 г. Комментарии касались наиболее острых и актуальных проблем Азиатско-Тихоокеанского региона. Дан анализ развития ситуации на Корейском полуострове в контексте американо-северокорейского саммита, рассмотрены внутривнутриполитические преобразования в Таиланде, Японии и США, представлено видение современных проблем японо-южнокорейских отношений, а также освещены другие вопросы международных отношений и национальной безопасности.

ANNOTATION

In this issue of analytical bulletin presents the analytical comments of the experts of the Center for Asia-Pacific Studies, prepared by them during 2019. Comments made on the most interesting and relevant problems of the Asia-Pacific region. First of all, it was about of the situation on the Korean Peninsula and the dialogue between the leaders of the United States and the DPRK. The experts also analyzed the internal political transformations in Thailand, Japan and the USA, as well as examined the complications in bilateral relations between Japan and the Republic of Korea, as well as some issues of China's foreign policy activity.

Архив номеров информационно-аналитического бюллетеня
«У карты Тихого океана» доступен по ссылке:
<http://ihaefe.org/publishings/by-the-pacific-ocean-map>

Формат 60×84/8. Усл. печ. л. 3,02. Уч.-изд. 1,62. Тираж 300 экз.

Отпечатано в Отделе ИТ ИИАЭ ДВО РАН.

Адрес редакции и издателя: 690001, Владивосток, ул. Пушкинская, 89.
Тел.: (4232) 226–80–54. E-mail: wp@ihaefe.ru.

НИКТО НЕ ХОТЕЛ УСТУПАТЬ. К ИТОГАМ САММИТА ЛИДЕРОВ США И КНДР В ХАНОЕ

Мишин Валерий Юрьевич,

Зав. Лаборатории ситуационного анализа Центра Азиатско-Тихоокеанских исследований Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, г. Владивосток
E-mail: uran_mishin@mail.ru

Mishin Valerii Yu.

Head of Laboratory for Strategic Case-studies, Center for Asia-Pacific Studies, Institute of history, archeology and ethnography of Peoples of Far East FEB RAS, Vladivostok
E-mail: uran_mishin@mail.ru

Симоненко Анна Владимировна

к.и.н., научный сотрудник Лаборатории ситуационного анализа Центра Азиатско-Тихоокеанских исследований Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, г. Владивосток
E-mail: asimonenok@yandex.ru

Simonenok Anna V.

Candidate of science (history), researcher of Laboratory for Strategic Case-studies, Center for Asia-Pacific Studies, Institute of history, archeology and ethnography of Peoples of Far East FEB RAS, Vladivostok
E-mail: asimonenok@yandex.ru

27—28 февраля 2019 г. в Ханое прошли переговоры Председателя Госсовета КНДР Ким Чен Ына с президентом США Д. Трампом. Это был второй саммит лидеров двух ранее непримиримых государств (первый состоялся в июне 2018 г. в Сингапуре). От этой встречи ожидали многого, поскольку обе стороны были объективно заинтересованы в том, чтобы она выглядела успехом.

Лидер КНДР рассчитывал на хотя бы частичное снятие экономической и политической блокады со своей страны, а взамен был готов продлить мораторий на ракетно-ядерные испытания и прекратить производство ядерных материалов. Это максимальная уступка, которую в данный момент могут себе позволить северокорейцы, чтобы не поставить под угрозу свою национальную безопасность и не стать более уязвимыми перед США. Кстати говоря, с подобными

предложениями, неоднократно озвученными официальными лицами КНДР, плохо увязывается заявление Трампа, что Ким Чен Ын, якобы, просил отменить весь пакет односторонних и многосторонних санкций.

В свою очередь президент США остро нуждается сейчас в улучшении своего политического имиджа. Уже через год очередные президентские выборы, и на фоне нарастающего в Соединённых Штатах внутривнутриполитического противостояния Трампу очень важно добиться внешнеполитического успеха. Кроме того, Вашингтон всё больше стало беспокоить начавшееся межкорейское сближение. За последний год в отношениях между Севером и Югом был достигнут заметный прогресс, и важные договорённости, касающиеся сферы региональной безопасности на Корейском полуострове (Пханмунджомская декларация, военное соглашение между КНДР и РК), чуть было не отодвинули США на второй план.

Таким образом, обстановка, в целом, благоприятствовала проведению саммита, но, как говорится, «не срослось». Оба лидера, хотя и демонстрировали дружелюбие и рукопожатия, никаких итоговых документов не подписали. Мировые СМИ пестрят комментариями и догадками экспертов разных мастей. Одни называют ханойский саммит «провалом», другие более сдержанно заявляют, что каждая из сторон чересчур понадеялась на то, что партнёр по диалогу, в конечном счёте, уступит. Предлагались даже откровенно конспирологические версии: от сговора двух лидеров, чтобы иметь возможность встретиться в будущем, до ошибок в работе переводчиков, которые могли неправильно донести слова «полное» и «частичное».

В целом, американо-северокорейский саммит вызывает противоречивые ощущения. С одной стороны, было понятно, что его итоги не будут прорывными, но того, что он завершится нулевым результатом, пожалуй, не ожидал никто, в том числе, и сами лидеры. Трамп явно рассчитывал на хотя бы минимальный результат — другой ему в складывающейся ситуации был и не нужен. Но на фоне всех его неприятностей: показания адвоката Коэна, непрекращающаяся перепалка по поводу стены на американо-мексиканской границе, конфликт с разведывательным сообществом, плюс множественные внешнеполитические «осечки» (Сирия, Турция, Иран, Венесуэла...) президенту США была необходима, по крайней мере, красивая картинка. Однако красивой картинке не получилось. Саммит закончился досрочно, а Трамп, хоть и пытался бравировать, но был явно неудовлетворён. Хотя начиналось всё многообещающе. После первой беседы лидеров появились сообщения, что стороны подтвердили необходимость открытия офисов связи, отвечающих за двустороннее взаимодействие США и КНДР (некий аналог дипломатических представительств в условиях отсутствия дипотношений), а также поступала косвенная информация о подготовленном

тексте итоговой Ханойской декларации. Но во время второй беседы лидеров, которая состоялась в расширенном составе, вероятно, произошло то, что в народе называют «нашла коса на камень».

Трамп уже зарекомендовал себя как эпатажный политик, он ведёт государственные дела в той же манере, что и свой бизнес на рынке недвижимости: резко взвинчивает цену, давит на соперника, а потом, разыгрывая роль своего парня, выжимает из него сделку на своих условиях. Однако в дипломатии законы бизнеса не работают, и уж точно, тактика Трампа не сработала в отношении Ким Чен Ына. Угрозы применения военной силы не прошли, экономические санкции не сработали. Северная Корея — хорошо организованное и очень милитаризованное государство, к тому же обладающее оружием массового уничтожения. «Оранжевая революция» в КНДР невозможна, поскольку для неё просто нет условий. Авторитарный режим, отсутствие оппозиции, блокирование любой информации извне, которая могла бы повлиять на массовое сознание — всё это не позволяет даже зародиться протестному движению, а постоянное внешнее давление и угрозы уничтожить страну приводят лишь к тому, что северокорейцы ещё больше сплачиваются вокруг своего лидера. Попытка Трампа подойти к решению проблемы, воздействуя лично на Ким Чен Ына, то щедро расточая комплименты в его адрес, то ругая его, также не удалась.

Если говорить о тактике и позиции северокорейского лидера, то ханойский саммит в очередной раз подтвердил, что ядерное оружие Ким Чен Ын не разменяет ни на какие преференции. Это его единственный козырь, и он его не отдаст, даже если США и ООН снимут все санкции, и Северную Корею наводнят американские инвестиции (тем более, что санкции сегодня сняли, а завтра ввели). Конечно, жёсткий санкционный режим лёг тяжёлым бременем на экономику КНДР, однако Пхеньян не станет добиваться снятия санкций любой ценой, в конце концов, северокорейцы не одно десятилетие живут под санкциями и за это время уже смогли адаптироваться к ним. К падению государства и режима международные санкции уж точно не приведут, равно как к гуманитарной катастрофе (массовому голоду), особенно сейчас, когда северокорейская экономика на подъёме.

Главная цель Ким Чен Ына — мирный договор с США, гарантии безопасности и признание КНДР как полноценного государства, равноправного актора международных отношений (а не «страны — изгоя»). С этим он и ехал на ханойский саммит. Однако у Трампа другие цели и другой взгляд на региональные проблемы. Он выстраивает свою дипломатию с оглядкой на внутривосточную обстановку в США и национальные приоритеты (в том числе, в сфере внешней политики), к которым Северная Корея и весь Корейский полуостров отношения не имеют.

Сложно сказать, насколько действия и заявления Трампа согласуются с рекомендациями, выводами и предложениями дипломатов, разведчиков, американских специалистов, вовлечённых в проблемы Корейского полуострова. Во всяком случае, рабочей группой, занимавшейся подготовкой к саммиту, во взаимодействии с северокорейскими коллегами была проделана большая работа, которая могла бы способствовать принятию итогового документа. Разработанная ими «дорожная карта» денуклеаризации КНДР была не только представлена президенту, но, очевидно, обсуждалась с северокорейской стороной. Однако Трамп выбрал другую тактику и потребовал от северокорейской стороны «всё или ничего». Ким Чен Ын, хотя и надеялся на прогресс в переговорах, но, по видимому, предполагал нечто подобное. По крайней мере, внешне он не выглядел расстроенным, и было не похоже, чтобы срыв переговоров был для него неожиданностью. Ким Чен Ын спокойно распрощался с Трампом и продолжил запланированный двухдневный визит во Вьетнам.

Справедливо ли по итогам ханойского саммита делать вывод, что какая-то из сторон выиграла, а какая-то проиграла? Наверное, нет. Даже при таком раскладе есть очевидные плюсы: лидеры США и КНДР лучше узнали друг друга, выяснили позиции, прощупали тактику и не довели дело до резкого обострения отношений. Саммит стал уроком не только для Трампа, но и в целом для американской дипломатии, которая ранее не имела опыта ведения переговоров с северокорейскими лидерами. Прошедшая же встреча показала, что тактика давления и ультиматумов в диалоге с КНДР не действует, а решения по комплексным и сложным вопросам ядерного разоружения северокорейская сторона будет принимать только на основании тщательно подготовленных и согласованных документов.

Подводя итог, Трамп, как герой из известной детской сказки, «улетел, но обещал вернуться». А Ким Чен Ын, хотя и уехал на своём знаменитом бронепоезде без комментариев и обещаний (и не факт, что в среднесрочной перспективе пожелает вновь встретиться с президентом США), но, на наш взгляд, может быть удовлетворён результатами встречи. Он показал себя сильным, независимым и уверенным лидером самостоятельного государства, и у него в запасе остались возможности для торга с последующими президентами США.

Остаётся надежда, что в дальнейшем Вашингтон и Пхеньян будут искренне стремиться к компромиссу, сознавая, что у них практически нет другого выхода, т.к. малопривлекательной альтернативой как для США и КНДР, так и для других региональных акторов является дальнейшая эскалация напряжённости в Северо-Восточной Азии, потенциально чреватая ядерным коллапсом. А не подписание Трампом и Ким Чен Ыном итогового документа — это не провал, а тоже результат, т.к. давно известно, что путь в тысячу ли начинается с первого шага.

ВСЕОБЩИЕ ВЫБОРЫ В ТАИЛАНДЕ: ДЕМОКРАТИЧЕСКИЙ ПЕРЕХОД ПОД ВОЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ

Симоненок Анна Владимировна

к.и.н., научный сотрудник Лаборатории ситуационного анализа Центра Азиатско-Тихоокеанских исследований Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, г. Владивосток
E-mail: asimonenok@yandex.ru

Simonenok Anna V.

Candidate of science (history), researcher of Laboratory for Strategic Case-studies, Center for Asia-Pacific Studies, Institute of history, archeology and ethnography of Peoples of Far East FEB RAS, Vladivostok
E-mail: asimonenok@yandex.ru

24 марта в Таиланде прошли первые после 2011 г. парламентские выборы. Во многом они стали особенными. Прежде всего, в том, что состоялись в условиях, когда у власти в стране находится военная хунта, которая, несмотря на введённые ею же политические ограничения, объявила и провела всеобщие выборы в высший представительный орган власти с соблюдением базовых демократических принципов (в том числе, свободы слова).

Впервые за пять лет гражданам Таиланда была предоставлена возможность открыто высказать свои политические взгляды. В мае 2014 г. военные, совершив государственный переворот, ввели запрет на все митинги, собрания, агитации и прочие политические акции, одновременно установив жёсткую цензуру. Таким образом правительство во главе с генералом Праютом Чан-оча смогло положить конец политическому хаосу, к которому привела обострившаяся борьба за власть двух крупнейших политических сил — Демократической партии (выражающей интересы традиционной тайской элиты) и партии «Пхья тхай» («Ради тайцев»), продвигающей интересы новой тайской элиты во главе с бывшим премьер-министром Таиланда Таксином Чиннаватом. Пятилетний застой в политической жизни страны, связанный с правлением военных, не мог не повлиять на расстановку политических сил в стране, но в условиях военной диктатуры трудно было определить, насколько эти изменения серьёзны и в какую сторону сместились политические предпочтения избирателей.

Состоявшиеся 24 марта выборы в Палату представителей Национальной Ассамблеи Таиланда, наконец, показали реальную картину, и для многих она стала неожиданной. Окончательные итоги будут подведены только 9 мая. Что же касается предварительных результатов, то в течение послевыборной недели из Центральной избирательной комиссии поступали противоречивые данные, которые ставили на первое место то одну партию, то другую. Многочисленные жалобы на нарушения процедуры выборов, подкуп избирателей, обвинения в непрозрачности подсчётов, признание недействительными более 2 млн бюллетеней — всё это лишь усиливало нервозность и добавляло неопределённости. Однако имеющихся данных уже достаточно, чтобы сделать основные выводы по итогам голосования.

Первый и, пожалуй, главный вывод состоит в том, что за пять лет нахождения у власти военных в Таиланде существенно изменился политический ландшафт. Демократическая партия, являвшаяся на протяжении десятилетий ведущей политической партией Таиланда, фактически ушла с политической авансцены, получив лишь 11% голосов (на предыдущих выборах 2011 г. — 31,8%) и не войдя даже в тройку лидеров. В Бангкоке, где демократы всегда доминировали, они не смогли получить ни одного голоса. Признав полный провал на выборах, лидер Демократической партии Апхисит Вечачива заявил о своей отставке. Что же касается их главного в прошлом оппонента — партии «Пхья Тхай» — то она сохранила своё место на политическом Олимпе, хотя и потеряла в голосах, получив поддержку лишь 23% избирателей (против 53% в 2011 г.). К кому же ушли все эти голоса? И вот тут ещё одна неожиданность: к всеобщему удивлению большую поддержку на всенародном голосовании — более 23% получила партия «Пхланг Прачарат» («Сила народного государства»), которая была создана в прошлом году сторонниками генерала Праюта Чан-оча и нынешнего военного правительства.

Эксперты с самого начала предсказывали, что борьба за места в парламенте развернётся между двумя партиями: «Пхья Тхай» — популярной среди многочисленных категорий сельского населения и с 2001 г. неизменно побеждающей на всех выборах, и партией власти «Пхланг Прачарат». Однако никто не предполагал, что на всенародном голосовании прохунтовская партия получит такую большую поддержку простых избирателей. Накануне выборов политологи утверждали, что «Пхланг Прачарат» может составить конкуренцию политическому тяжеловесу только опираясь на административный ресурс и правовые привилегии, которые военное правительство получило с введением нового законодательства. Так, например, военными была проведена реформа избирательной системы и введена новая конституция (2017), согласно которой Сенат в количестве 250 человек является полностью назначаемым.

Это может сыграть решающую роль при голосовании по кандидатуре премьер-министра, поскольку, согласно новой конституции он избирается на совместном заседании нижней и верхней палат.

В Палате представителей, состоящей из 500 народных избранников, военные также создали условия, максимально обеспечивающие им контроль над представительным органом. Конституция 2017 г. сохранила в Таиланде смешанную (пропорционально-мажоритарную) избирательную систему (350 по одномандатным округам, 150 по партийным спискам), однако на нынешних выборах избиратель получил не два бюллетеня, а один общий, в который были включены кандидаты и по округам и по партийным спискам. Учитывая, что представительство любой партии складывается из суммы мажоритарных и пропорциональных мандатов, такая схема ослабляет позиции крупных партий, таких как «Пхья Тхай», практически лишая их возможности занять большинство мест в парламенте, и создаёт условия для формирования слабых неустойчивых коалиций, которыми можно легко манипулировать.

К формированию коалиций партии уже приступили. «Пхья Тхай», по предварительным подсчётам получившая 137 мест в парламенте, заявила о создании коалиции в составе 255 (по обновлённым данным 253) депутатов, что обеспечит ей коалиционное большинство в нижней палате. Однако такой расклад вряд ли сможет поколебать позиции нынешнего премьера Праюта Чан-оча, который наверняка возглавит следующее правительство, гарантированно заручившись поддержкой 250 сенаторов и 118 депутатов в Палате представителей (от партии «Пхланг Прачарат»). Кроме того, велика вероятность, что в проправительственную коалицию войдут демократы со своими 54 голосами.

Исходя из распределения голосов, можно сделать вывод, что происходящая в Таиланде глобальная перегруппировка политических сил принципиально не изменила общую конфигурацию политического пространства с его чётким делением на два противоборствующих лагеря, условно, «либералов-буржуа» и «консерваторов-монархистов». Оба лагеря претерпели существенные изменения в своём составе. В команду «либералов-буржуа», возглавляемую «Пхья Тхай» (партией миллиардера и бывшего премьера Таксина Чиннавата) влилась партия «Future Forward», созданная в 2018 г. молодым тайским миллионером Танатоном Тьенгунгренгкитом. Высокий рейтинг «Future Forward» — 17% голосов избирателей и 87 мест в парламенте — стал ещё одной неожиданностью выборов. А в стане «консерваторов-монархистов» появилась новая сильная партия «Пхланг Прачарат» (поддерживающая военное правительство и генерала Праюта), которая подхватила знамя, выпавшее из рук демократов, и возглавила консервативный лагерь.

Сегодня всё очевиднее становится, что хунта не намерена отказываться от своей власти. Военные последовательно проводят курс на укрепление позиций, и прошедшие 24 марта парламентские выборы следует рассматривать как очередной шаг к легитимизации их власти. Первым шагом было принятие в 2017 г. конституции, ограничивающей демократические права граждан и расширяющей полномочия бюрократии. Вторым — создание в 2018 г. партии «Пхланг Прачарат», которую в Таиланде называют партией военной хунты. И на парламентских выборах сторонники и члены военного правительства, организационно оформленные в политическую партию, выступили уже как равноправные участники демократического процесса.

Надо сказать, что военные в Таиланде всегда были мощной политической силой, однако де-юре они никогда не признавались самостоятельным политическим игроком, не являлись частью партийно-политической системы и всегда действовали за рамками и вне правил политико-правового поля. Регулярно совершая перевороты, тайские военные обеспечивали условия для прихода к власти той или иной политической группировки, а затем, как правило, уходили в тень и сосредотачивались на выполнении своей главной задачи. Происходящие сегодня процессы открывают новую страницу в истории тайской политической системы. Отныне армия становится частью партийной системы, получает возможность участвовать в политическом процессе на всех уровнях и таким образом отвоёвывать себе власть демократическим путём.

Победа партии «Пхланг Прачарат» на воскресных выборах вызвала шок в лагере тайских демократов, которые надеялись, что граждане выскажутся против хунты. И эти расчёты были во многом обоснованы, поскольку военное правительство кроме того, что ввело жёсткие ограничения в политической сфере, ещё и крайне неуспешно в осуществлении социально-экономической политики. Заявленные социальные программы, очень привлекательные и масштабные, по большей части, носят популистский характер (впрочем, как все программные заявления участвующих в выборах партий). Большинство из них реализовать будет невозможно из-за значительного бюджетного дефицита. Экономика Таиланда сейчас находится не в лучшем состоянии. Рост ВВП в последние два года с трудом удалось довести до 4% (после катастрофического падения в 2014—2015 гг.), но это всё равно ниже тех показателей, что были до военного переворота. По сравнению с периодом до 2014 г. снизился объём прямых иностранных инвестиций, продолжается падение стоимости тайских ценных бумаг, снижаются закупочные цены на сельскохозяйственные культуры, увеличивается разрыв в уровне благосостояния. При растущем дефиците бюджета (последние 2 года 3—4% от ВВП) расходы на армию

увеличились на 10%. Военному правительству пока удаётся сохранять низкий уровень инфляции (не более 0,5%), а также безработицы. Но для Таиланда эти два показателя традиционно низкие, на протяжении многих лет они не превышали 1—2%.

Если говорить о социально-экономическом блоке, то деятельность правительства под руководством Таксина Чиннавата (2001—2006), который стоит за партией «Пхыа Тхай», была гораздо успешнее. Хотя его тоже обвиняли в популизме, но на его счету ряд значимых достижений в экономике и социальной сфере. За время его премьерства были выплачены долги перед МВФ, снижены цены на медицинскую страховку, повышены закупочные цены на рис, сократился уровень бедности. У военных за такой же срок в пять лет из заметных достижений лишь реформа избирательного права и новая конституция.

Всё это, конечно, способствует формированию протестных настроений в обществе, и оппозиционные силы рассчитывали использовать их против хунты. Тайские политологи называли прошедшее голосование референдумом об отношении граждан к военному правительству и его лидеру генералу Праюту. И вот результат: военные имеют значительную поддержку в обществе.

Выборы, состоявшиеся 24 марта при довольно высокой явке (около 75%), дают достаточно полную картину общественного мнения и позволяют сделать два важных вывода относительно политических настроений и предпочтений тайских граждан. Первый: в тайском обществе сегодня существует большой запрос на мир и стабильность. Именно это имели ввиду почти 8,5 млн избирателей, проголосовавших за прохунтовскую партию. И дело здесь не в том, что тайцы против либеральных ценностей и демократии. Они, скорее, против той части политической элиты, которая выступает носителем этих либеральных ценностей, и, прикрываясь демократией, борется за власть, не выбирая средства и методы и нарушая жизнь страны. У всех ещё свежи в памяти события, предшествующие военному перевороту. Непрерывающиеся массовые митинги и демонстрации, блокирование улиц и аэропортов, препятствование работе государственных учреждений, кровопролитные столкновения с десятками жертв... Страну буквально лихорадило, государственные органы не могли нормально функционировать, практически все проекты (и политические, и экономические) блокировались то одной стороной, то другой. Выборы в 2014 г. проходили в обстановке уличных демонстраций сторонников и противников правительства, беспорядков и столкновений. Массовые случаи осады избирательных участков и воспрепятствования голосованию вынудили Центризбирком признать выборы недействительными. Ещё немного, и Таиланд оказался бы на грани гражданской войны, в Бангкок

уже начали подтягивать из других районов (в том числе, с бедного Севера) массы, для участия в протестных выступлениях.

Военные, взяв власть в свои руки, стабилизировали ситуацию, успокоили массы, сбили накал страстей, жизнь вернулась в нормальное русло, только без политической активности и конкуренции. Но простому обывателю это и не нужно, тем более, что тайцы в массе своей всегда были политически инертны. Так что неудивительно, что значительная часть тайского общества симпатизирует военной хунте.

Сегодня политическое пространство в Таиланде сильно поляризовано. Граждане поставлены перед необходимостью выбирать между двумя крайностями: либо диктатура, либо демократия (что для тайского менталитета тоже, своего рода, крайность). В этой ситуации лидеры переворота выдвинули лозунги национального примирения, и они стали единственной политической силой, выступившей с подобной инициативой. Оппозиционные партии были сосредоточены исключительно на достижении победы и превосходства своих идей и идеологий над другими, а партия «Пхланг Прачарат» предложила в качестве основных пунктов своей предвыборной программы очень привлекательные для тайского менталитета тезисы обеспечения политической стабильности и осуществления преемственности власти. Как сказал в своё время генерал Прают: «Сначала порядок, потом — демократия». И это мнение разделяет значительная часть тайцев. Как показывают регулярные опросы общественного мнения, проводимые независимыми социологами, в представлении большинства населения Таиланда идеальным вариантом является ограниченная демократия, которую, по большому счёту, и предлагают военные.

Второй важный вывод, который можно сделать относительно общественных настроений: В Таиланде налицо существенное снижение уровня доверия к деятелям и партиям, имеющим давнюю политическую историю. На многих избирательных округах потерпели поражение кандидаты (среди которых были очень известные лица), баллотирующиеся под лозунгами старейшей в Таиланде Демократической партии (1946) и сильнейшей в XXI в. партии «Пхья Тхай». Почти 50% голосов забрали две партии, созданные только в прошлом году («Пхланг Прачарат» и «Future Forward»). Сегодня тайцы всё больше хотят видеть новые лица в политике, а значит, в обществе сложилась потребность в обновлении не только политических идей и методов, но и самой политической системы. Так что в ближайшем будущем Таиланд, наверняка, ждут перемены в этой сфере, а вот в каком направлении, — зависит от того, насколько консолидированы будут политические силы, и насколько их предложения будут соответствовать потребностям и ментальности тайского общества. Пока перевес на стороне военных.

НОВАЯ ЭРА В ЯПОНИИ

Кожевников Владимир Васильевич,

кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Отдела изучения Японии и Кореи Центра Азиатско-Тихоокеанских исследований Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, г. Владивосток
E-mail: v.ronin@rambler.ru

Kozhevnikov Vladimir V.

Candidate of science (history), lead researcher Department of Japanese and Korean Studies, Center for Asia-Pacific Studies, Institute of history, archeology and ethnography of Peoples of Far East FEB RAS, Vladivostok
E-mail: v.ronin@rambler.ru

Япония стоит на пороге новой эры. Нынешний 125-й император Акихито добровольно покидает трон и передаёт его своему старшему сыну Нарухито. По японской традиции правлению нового императора присваивается новый девиз, и оглашается он при вступлении нового императора на трон. В этот раз вопреки традициям название новой эпохи Рэйва огласили заранее. Наследный принц Нарухито, которому сейчас 59 лет, вступит на престол 1 мая. Его правление и пройдёт под этим девизом. 1 апреля 2019 г. телерадиокомпания NHK передала репортаж, как Генеральный секретарь кабинета министров Ёсихидэ Суга в прямом эфире телевидения поднял табличку по традиции составленную из двух иероглифов, которые можно перевести как «порядок и гармония». Более поэтичное толкование девизу дал премьер-министр Японии Синдзо Абэ: «Рэйва означает рождение и расцвет культуры при объединении прекрасных людских сердец».

Рэйва — это 248-й девиз годов правления (яп. нэнго), считая от первого девиза Тайка (Большие перемены), принятом после переворота в 645 г. В настоящее время Япония является единственной страной, где существует понятие эпохи конкретного императора. Эта традиция после четвёртого девиза Тайхо (701 г.) не прерывалась ни разу существуя более 1300 лет. Ранее источником для девиза всегда служила классическая китайская литература. Японской классической литературой для выбора нэнго

воспользовались впервые. Название Рэйва (令和) взято из стихотворения древнего японского сборника поэзии 8 в. «Манъёсю», а именно: «Был прекрасный месяц ранней весны. Приятно было мягкое дуновение ветерка. Сливы раскрылись, словно покрытые белой пудрой красавицы, сидящие перед зеркалом. Орхидеи благоухали, словно пропитанные ароматом драгоценные женские пояса, украшенные жемчугом». Авторы девиза составили его из иероглифов рэй (令) — «прекрасный месяц» (令月) и ва (和) — «ветер смягчается» (風和ぎ). Интересно и то, что из-за редкости употребления значения «хороший», «прекрасный» иероглифа рэй (令), большинство японцев узнали из словаря только 1-го апреля 2019 года. И только по фигурирующему в контексте цитаты из «Манъёсю» малоизвестному слову рэйгэцу (令月, «хороший месяц»). Но значения «благоприятный», «счастливый» не значатся для конкретного иероглифа рэй (令) ни в одном словаре.

Таким образом в слове Рэйва (令和) выражается «пожелание к объединению в красоте душ, создавая и возвращая культуру».

Выступая по случаю обнародования нового девиза правления, С. Абэ не преминул подчеркнуть, что «Манъёсю» классическая коллекция японских стихов, хранящихся в различных японских книгах, и подчёркивает единство нации от императора до простых людей. 3 апреля МИД Японии разослал своим посольствам за рубежом инструкцию — обозначать девиз Рэйва (令和) на английском языке только словами «beautiful harmony» — прекрасная гармония. в обратном переводе на японский «美しい調和». Этот вариант должен способствовать распространению «правильной трактовки» первого иероглифа. Однако многозначность перевода иероглифов допускает их интерпретации. Это касается и цитаты из «Манъёсю». Так, типовым значением иероглифа рэй (令) является: «приказ», «заставить», «закон». А контекст «Манъёсю» не подразумевает трактовку иероглифа ва (和) как «согласие» или «гармония».

Но согласно «Конституции 17 статей» 7 века, приписываемой принцу Сётоку тайси, именно иероглиф ва (和) («гармония») стоит первым среди приоритетов японского менталитета: выше буддизма и императора! Отсюда и возникает второй смысл девиза, при иероглифической записи: т.е. «побуждение к гармонии».

Сегодня в Японии используют два календаря — привычный нам григорианский и традиционный японский, где летоисчисление каждой эры ведётся от восшествия на трон нового императора. Т.е. 2019-й — это 31-й год эры Хэйсэй и — одновременно с 1 мая — первый год эры Рэйва. Судя по соцопросам, примерно половина японцев отдают предпочтение традиционному календарю. Он закреплён законодательно и должен учитываться, к примеру, во всех банковских документах и правительственных указах. Девиз для Нарухито разрабатывался группой специалистов при правительстве в режиме строжайшей секретности. Окончательное решение озвучивалось не только в прямом эфире по ТВ, но и с уличных экранов, которыми богаты японские города.

По японской конституции: «Император является символом государства и единства народа, его статус определяется волей всего

народа, которому принадлежит суверенная власть.» Понятием «император» на романские и славянские языки обычно переводят японское слово тэнно. Буквально оно означает «небесный хозяин». Японская монархическая династия — старейшая из правящих, наиболее приближенная к мистическому. Согласно синтоистскому сказанию, её основатель первый император Японии Дзимму, потомок богини солнца Аматэрасу, вступил на трон в 660 году до нашей эры.

В Японии ревностно почитают своего императора, традиции, культуру, историю. Однако нынешний император Акихито «ниспровергал традиционные основы». Во-первых, женился не на аристократке, а на дочери мукомола (впрочем, богатого мукомола) — нынешней императрице Митико. Во-вторых, воспитывал своих детей сам, что в Японии считалось «не царским делом». В-третьих, попросил нацию о добровольной отставке. Такого не случалось на протяжении двух веков и не подразумевалось законодательно. Император Японии обязан оставаться «символом единства государства и народа» до своей смерти. Большинство японцев были растроганы желанием императора посвятить семье последние годы жизни. Они встали на сторону своего тэнно. В итоге парламент принял исключительно под Акихито закон, восстановив использовавшийся в средних веках титул дайдзё тэнно (то есть император, уступивший трон). Это запустило растянувшийся почти на три года процесс отречения, в рамках которого Акихито испрашивал у богов и предков дозволения на почётную пенсию. Точку в этом процессе поставят 30 апреля, а уже 1 мая на Хризантемовый трон взойдёт старший сын императора — Нарухито. Так начнётся эра Рэйва.

Наиболее известный в мире девиз нэнго — период Мэйдзи (1868—1912). В дословном переводе — «просвещённое правление». Эта эпоха длиной в 44 года ознаменовала собой упадок власти самураев, возвращение императору реальных полномочий и комплекс реформ на западный манер. В итоге Страна восходящего солнца окрепла, открылась миру и выиграла войну у России.

Далее были период Тайсё — становление гражданского общества и массовой культуры. Сёва — годы поражения в войне, возрождения, а также стремительного роста. На нынешний период Хэйсэй (становление мира), который берёт начало 7 января 1989 года, приходится затяжной кризис экономики. Не обошлось без стихийных бедствий: землетрясение в Кобе, Великое восточно-японское землетрясение. Японцы надеются, что новый период Рэйва приведёт к «порядку и гармонии». В другом переводе — к «благополучию и спокойствию».

Глава правительства выразил надежду, что японский народ примет наименование новой эры. На ближайшие десятилетия оно станет девизом очередного монарха, посланием будущим поколениям, своеобразным идеалом к которому следует стремиться. По словам премьер-министра Синдзо Абэ, новый девиз символизирует надежду на то, что каждый японец достигнет своих целей. «Мы подтвердили нашу решимость вместе с нашим народом открыть новую эру полную надежд и благодарности за мирные дни. Девиз нового правления

говорит о рождении и расцвете культуры в тот момент, когда народ объединяется воедино и заботится друг о друге».

22 октября 2019 года в Японии прошла официальная интронизация нового японского императора 59-летнего Нарухито, который 1 мая этого года вступил на престол, после отречения своего отца 85-летнего императора Акихито. Церемония проходила в «Сосновом зале» императорского дворца под звуки гонгов и барабанов в присутствии императорской семьи. О своём восшествии на престол император Нарухито объявил в присутствии 2000 гостей, среди которых были, по данным Kyodo News, 183 представителя зарубежных государств и иностранных королевских домов. Одетый в церемониальное шёлковое одеяние цвета моркови, сидя на троне 6,5-метровой высоты, он провозгласил: «Объявляю здесь, на церемонии интронизации, о восшествии на престол. Я клянусь здесь во имя счастья народа и мира во всём мире, рядом с народом и согласно конституции, служить Японии и её народу в качестве его символа. Пусть мудрость и усилия народа приведут к ещё большему расцвету нашей страны. Я желаю, чтобы она могла внести свой вклад в дело мира и дружбы с международным сообществом и благополучия человечества». Тронная речь отличалась от речей его предшественников, он добавил в неё пожелания «мира во всём мире» в дополнение к счастью народа Японии.

Затем от имени японского народа его приветствовал премьер-министр Абэ Синдзо, который вместе с другими гостями трижды прокричал «Банзай!», традиционное пожелание долгих лет монарху. И вот этот нюанс вызвал бурные дискуссии в японском парламенте и правительстве. Оказалось, (так утверждают оппозиционные депутаты), что император, провозглашающий речь с возвышения, и премьер-министр, читающий речь и кричащий «Банзай!» с позиции ниже трона, — нарушение послевоенной конституции Японии. Ведь согласно конституции, глава правительства является представителем парламента, — высшего органа власти в Японии, а император Нарухито — символ государства и единства народа. В бурное обсуждение депутатов и министров вынужден был вмешаться Конституционный суд Японии. Он напомнил, что интронизация является религиозным ритуалом семьи Ямато, и, согласно всё той же послевоенной конституции, государство не имеет права принимать участия в религиозных церемониях! Поэтому, зачитывать поздравительную речь и кричать «Банзай!» будет не господин премьер-министр С. Абэ, а Абэ-сан, близкий друг Нарухито-сама, главы семьи Ямато.

Интронизацию уже называют самой масштабной и дорогой за всю историю Японии. Она обошлась государству в почти 150 миллионов долларов. Япония объявила интронизации национальным праздником. Около 550 тысяч мелких преступников были помилованы по этому случаю. Это первая амнистия со дня брака императора Акихито в 1993 году с императрицей.

Парад, который должен был состояться по случаю коронации Нарухито 22 октября, перенесён на 10 ноября: сейчас в Японии — дни траура по погибшим из-за тайфуна «Хагибис», обрушившегося на острова 12 октября и унёсшего жизни более 70 человек.

К ИТОГАМ ВИЗИТА ПРЕДСЕДАТЕЛЯ КНР СИ ЦЗИНЬПИНА В КНДР

Мишин Валерий Юрьевич,

Зав. Лаборатории ситуационного анализа Центра Азиатско-Тихоокеанских исследований Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, г. Владивосток
E-mail: uran_mishin@mail.ru

Mishin Valerii Yu.

Head of Laboratory for Strategic Case-studies, Center for Asia-Pacific Studies, Institute of history, archeology and ethnography of Peoples of Far East FEB RAS, Vladivostok
E-mail: uran_mishin@mail.ru

Горячев Николай Николаевич,

Младший научный сотрудник Лаборатории ситуационного анализа Центра Азиатско-Тихоокеанских исследований Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, г. Владивосток
E-mail: goryachev@ihaefe.ru

Goryachev Nikolay N.

Junior research fellow, Laboratory for Strategic Case-studies, Center for Asia-Pacific Studies, Institute of history, archeology and ethnography of Peoples of Far East FEB RAS, Vladivostok
E-mail: goryachev@ihaefe.ru

Разумов Егор Александрович,

Старший лаборант Лаборатории ситуационного анализа Центра Азиатско-Тихоокеанских исследований Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, г. Владивосток
E-mail: razumov@ihaefe.ru

Razumov Egor A.

Research assistant, Laboratory for Strategic Case-studies, Center for Asia-Pacific Studies, Institute of history, archeology and ethnography of Peoples of Far East FEB RAS, Vladivostok
E-mail: razumov@ihaefe.ru

С 20 по 21 июня с.г. председатель КНР Си Цзиньпин находился с государственным визитом в КНДР. Поездка была приурочена к 70-ой годовщине установления дипломатических отношений между двумя странами. Это первый за последние 14 лет официальный визит партийного и государственного лидера Китая в Северную Корею. Последний визит высшего руководителя КНР в лице Ху Цзиньтао состоялся в 2005 г., в ходе которого китайский лидер настоятельно рекомендовал северокорейскому руководству коренным образом изменить политический курс и встать на «путь реформ и открытости», что было негативно воспринято Генеральным секретарём ЦК Трудовой партии Кореи Ким Чен Иром. С тех пор китайские руководители не посещали Пхеньян, несмотря на то, что прошлый и нынешний руководители КНДР неоднократно приезжали в Пекин.

В первые пять лет своего руководства страной Ким Чен Ын ни разу не встречался ни с одним из глав иностранных государств. И только с весны 2018 г. он стал проявлять дипломатическую активность и первую зарубежную поездку начал именно со встречи с Си Цзиньпином. Всего с весны прошлого года и по настоящее время Ким общался с руководителем КНР пять раз, но ни разу это не происходило в столице КНДР.

Отметим, что к двустороннему саммиту стороны подошли очень ответственно и в духе «вечной дружбы». Визит Си Цзиньпина был объявлен «государственным», тогда как визит Ху Цзиньтао в 2005 г. считался просто «дружественным».

До начала встречи в верхах КНР и КНДР обменялись заявлениями в печати, отразившими позиции сторон. Центральный печатный орган КНДР газета «Нодон Синмун» подготовила спецвыпуск, где особо было подчёркнуто, что приезд китайского лидера «напишет новую страницу в истории двух стран». В передовой статье отмечалось, что визит Си Цзиньпина в КНДР, несмотря на наличие множества сложных задач, обусловленных непростой международной обстановкой, включая американо-китайскую торговую войну и протестные демонстрации в Гонконге, является показателем того, насколько китайские власти считают важной дружбу между двумя странами.

В свою очередь Си Цзиньпин в интервью для китайских СМИ заявил, что его визит в Пхеньян является не только подтверждением традиционной дружбы между двумя странами, но и обеспечением прогресса в решении проблем Корейского полуострова исключительно политико-дипломатическим путём. Он выразил готовность и в дальнейшем оказывать всемерную поддержку КНДР в обеспечении национальной безопасности. Особо было подчёркнуто, что любые изменения международной ситуации не скажутся на дружбе между двумя странами, а также то, что Пекин готов принимать конструктивное участие в решении проблемы денуклеаризации Корейского полуострова.

Некоторые отечественные и зарубежные аналитики и эксперты попытались назвать саммит в Пхеньяне «большой игрой» и придать

ему ауру конспирологии в контексте предстоящей встречи Си Цзиньпина и Д. Трампа в Японии. Между тем, Пекин на официальном уровне категорически заявил, что «увязывать государственный визит председателя КНР Си Цзиньпина в Северную Корею и планируемую встречу китайского лидера с президентом США Дональдом Трампом в Осаке не стоит, т.к. у Пекина и Пхеньяна есть своя двусторонняя повестка. Некоторые эксперты считают, что Китай может использовать этот визит в качестве рычага давления на США. Пекин всячески подчёркивает, что Китай и КНДР — соседи, которые длительное время сохраняют дружественные отношения и традиции обменов на высоком уровне, а поэтому выражает надежду, что «общественность сформирует чёткое представление о визите председателя КНР и о нашей решительной приверженности к дальнейшему развитию дружественных отношений с Пхеньяном, а также воздержится от попыток провести неверные и неоправданные связи». (Пресс-релиз МИД КНР от 20.06.2019 г.)

Вместе с тем полагаем, что визит китайского лидера в КНДР не стоит отделять от взаимоотношений КНР и США. Китайская сторона рассматривает Северную Корею как весомый аргумент в общении со своим заокеанским партнёром. Вопросы отношений с США постоянно обсуждались на встречах Ким Чен Ына и Си Цзиньпина, и этот визит не стал исключением. Многие ожидали ответа на вопрос: будет ли Китай после северокорейских «ядерных демаршей» традиционно поддерживать Пхеньян, либо же он изменит свою позицию в угоду отношениям с США? Ответ на него озвучил Си Цзиньпин после встречи с Ким Чен Ыном. По его словам, «Китай будет усиливать координацию и взаимодействие со всеми заинтересованными сторонами, включая КНДР, чтобы активно продвигать денуклеаризацию Корейского полуострова и достичь прочного мира в регионе». Своим визитом в Пхеньян Си Цзиньпин показал и противникам, и сторонникам, что Китай был и останется одним из главных бенефициаров переговорного процесса по проблеме стабильности на Корейском полуострове и в регионе в целом.

Несмотря на фрагментарную освещённость итогов китайско-северокорейского саммита можно полагать, что две стороны в дальнейшем в своих отношениях будут придерживаться следующих позиций:

Приверженность положениям «дорожной карты» поэтапной денуклеаризации Корейского полуострова и наполнение её новыми идеями и предложениями;

Все дальнейшие внешнеполитические шаги Китая и КНДР, касающиеся общего видения обстановки в регионе, должны быть возведёнными и взаимно скоординированными;

Стороны будут ставить перед собой реальные цели по достижению стратегического взаимодействия и обмену мнениями по главным вопросам региональной политики, представляющим взаимным интерес.

ТОРГОВАЯ ВОЙНА МЕЖДУ ЯПОНИЕЙ И ЮЖНОЙ КОРЕЕЙ: КОНЕЦ АЛЬЯНСА?

Горячев Николай Николаевич,

Младший научный сотрудник Лаборатории ситуационного анализа Центра Азиатско-Тихоокеанских исследований Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, г. Владивосток
E-mail: goryachev@ihaefe.ru

Goryachev Nikolay N.

Junior research fellow, Laboratory for Strategic Case-studies, Center for Asia-Pacific Studies, Institute of history, archeology and ethnography of Peoples of Far East FEB RAS, Vladivostok
E-mail: goryachev@ihaefe.ru

Горячева Елена Александровна,

Младший научный сотрудник Отдела изучения Японии и Кореи Центра Азиатско-Тихоокеанских исследований Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, г. Владивосток
E-mail: solo888@yandex.ru

Goriacheva Elena A.

Junior research fellow Department of Japanese and Korean Studies, Center for Asia-Pacific Studies, Institute of history, archeology and ethnography of Peoples of Far East FEB RAS, Vladivostok
E-mail: solo888@yandex.ru

Историческая память — это коллективное наследие, которое не только сохраняет в себе позитивный и негативный опыт предыдущих поколений, но и может оказывать влияние на современную жизнь государств и на отношения между ними. Для Японии и Южной Кореи понятие исторической памяти всегда имеет особый смысл. Это показали последние события, приведшие к сильнейшей за последние десятилетия конфронтации между двумя странами.

19 июня с.г. южнокорейское правительство предложило Японии план разрешения многолетней проблемы — выплаты компенсаций жертвам японской принудительной трудовой мобилизации времён Второй мировой войны. Ранее несколько южнокорейцев, являющихся жертвами принудительной мобилизации, подали иск против японских компаний с требованием компенсировать их подневольный труд. Верховный суд РК удовлетворил это требование, что вызвало дипломатический протест Японии и напряжённость в отношениях двух стран.

В настоящий момент разногласия сторон перешли из дипломатической сферы в экономическую и приняли очертания торговой войны между государствами, входящими в единый военно-политический альянс во главе с США. В начале июля Министерство экономики, торговли и промышленности Японии заявило о введении экспортных ограничений в отношении Южной Кореи — был прекращён экспорт компонентов для производства полупроводников. Кроме этого, Республика Корея выведена из списка «белых стран», для которых экспортный контроль в Японии проходит по упрощённой схеме. Дело дошло до того, что Япония заявила о «подрыве доверительных отношений с Кореей в сфере контроля и регулирования экспорта», подозревая Сеул в перепродаже санкционных товаров в КНДР. Южнокорейские власти заявили, что этот шаг — акт экономического возмездия за решение Верховного суда страны.

Возможно, это стало «последней каплей» в ухудшении политических взаимоотношений. Свою роль сыграло и то обстоятельство, что недовольство действиями и риторикой корейских властей в Японии накапливалось уже достаточно долго. Мун Чжэ Ин в ходе своей предвыборной кампании обещал пересмотреть многие договорённости, достигнутые Сеулом и Токио по поводу т.н. проблемы «женщин комфорта», — за счёт чего, в том числе, добился поддержки националистически настроенной части электората. Неудивительно, что такая постановка вопроса вызывала раздражение у японских политиков, потративших много сил и средств на урегулирование этой проблемы и достижение соглашения с правительством Пак Кын Хе.

С одной стороны, причина нынешнего конфликта лежит в столкновении двух сакрализованных парадигм: в Корее — это проблема военных преступлений Японии в период аннексии; в Японии — возможность игнорирования Южной Кореей международных санкций в адрес «записного врага» Японии — КНДР и экспорт северному соседу стратегически важных продуктов двойного назначения. Япония официально отрицает тот факт, что причиной конфликта стал вопрос принудительного труда корейцев на японских предприятиях, и причиной применения экономических мер в адрес Южной Кореи называет угрозы национальной безопасности страны. Для Японии это действительно так, её правительство неоднократно объявляло КНДР угрозой. В Голубой книге МИД Японии 2018 г. КНДР обозначена как источник «беспрецедентной, серьёзной и постоянной угрозы мирному существованию и стабильности Японии и мирового сообщества». И всё, что по мнению японских властей, может помочь КНДР (пусть даже гипотетически) — непосредственно угрожает безопасности Японии. В Токио по-видимому всерьёз сомневаются, что Сеул строго и добросовестно соблюдает эмбарго в отношении Пхеньяна, и на условиях анонимности звучат заявления, что причина ограничений — именно в этом.

С другой стороны, как это не парадоксально, свою роль в формировании конфликта сыграли США. С приходом в Белый дом Д. Трампа

Соединённые Штаты в значительной мере изменили свою торговую политику, что проявилось в усилившемся протекционизме и стремлении к пересмотру как многосторонних, так и двусторонних торговых соглашений. Весьма вероятно, что японское правительство, вводя ограничительные меры, вдохновлялось примером торговой войны Китая и США, стремясь начать диктовать условия путём ограничений и санкций.

Власти Южной Кореи не устают повторять, что эти проблемы должны решаться дипломатическим путём. Считается, что Мун Чжэ Ин, вероятнее всего, обратится за помощью в этом вопросе к Д. Трампу, однако эта идея выглядит достаточно странно. В 2015 г. именно администрация Б. Обамы всеми силами содействовала достижению соглашения о проблеме «женщин комфорта» между Республикой Корея и Японией. Сейчас это соглашение провалилось, и С. Абэ открыто обозначил Южную Корею как «страну, которая не выполняет своих обещаний». Более того, премьер-министр Японии неоднократно отмечал, что одним из его лучших достижений является дружба с нынешним президентом США, поэтому не исключено, что нынешний запрет на поставку производственных компонентов был негласно одобрен Д. Трампом.

К кому бы в итоге не обратилось южнокорейское руководство за посредничеством в урегулировании этого спора, это в любом случае будет являться прекращением «дипломатического молчания». Сеул игнорировал все предложения Токио об урегулировании вопроса о компенсациях согласно букве Соглашения от 1965 г., которым определялось, что Республика Корея отныне не имеет финансовых претензий к Японии, а все возникающие вопросы такого рода должны решаться дипломатическим путём. При этом в Южной Корее сырьё для нормального функционирования высокотехнологичных производств смартфонов, дисплеев и OLED панелей для телевизоров осталось не более чем на 4 месяца. В то же время Токио не исключает распространения запрета и на другие материалы. Разрастающийся конфликт коснулся и социальной сферы. Националистически настроенные силы в обеих странах уже воспользовались ситуацией в свою пользу, вспомнив все исторические обиды. В Корее жителей призывают к массовому бойкоту японских товаров и услуг, а также отказу от посещений Японии с туристическими целями. В Японии же, согласно опросам, более половины населения склоняется к тому, что решения правительства в отношении Кореи справедливы.

Пока среди граждан обеих стран достаточно тех, кто призывает не поддаваться националистическим провокациям и вести себя сдержанно. Это оставляет надежду на благополучное разрешение возникшего кризиса силами политиков и дипломатов путём компромисса. Однако, в случае, если сторонам не удастся найти решение, двусторонние отношения ещё более ухудшатся, что в перспективе может привести к социальному взрыву и расторжению партнёрских отношений внутри альянса.

ОТСТАВКА ПОМОЩНИКА ПРЕЗИДЕНТА ПО НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ: ПОСЛЕДСТВИЯ ДЛЯ АМЕРИКАНСКОЙ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ

Болдырев Виталий Евгеньевич,

к.и.н., научный сотрудник отдела международных отношений и проблем безопасности, Центра азиатско-тихоокеанских исследований Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока, г. Владивосток.

E-mail: boldyrev89@list.ru

Boldyrev Vitalii E.,

Candidate of science (history), research fellow of Department of International Relations and Security Issues, Center for Asia-Pacific Studies, Institute of history, archeology and ethnography of Peoples of Far East FEB RAS, Vladivostok

E-mail: boldyrev89@list.ru

10 сентября 2019 г. помощник президента США по национальной безопасности Дж. Болтон был отправлен в отставку. Он был третьим человеком, занимавшим этот пост при Д. Трампе. В чём же причина такой нестабильности? Какие последствия для внешней политики США она будет иметь?

Корень вопроса в том, что должности помощника президента по национальной безопасности и государственного секретаря конкурируют между собой. При этом первая из них существует в рамках президентской администрации, а вторая является министерской. Отношения между людьми, которые их занимают, зависят от целого ряда причин: стиль принятия решений президентом, личностные особенности, бюрократические каналы и процедуры, используемые ведомствами для влияния на главу государства.

Общим контекстом, который определял нынешние отношения помощника по национальной безопасности и госсекретаря, стал коалиционный характер исполнительной власти при Д. Трампе. В администрацию и правительство вошли представители разных социальных групп, поддержавших его на выборах 2016 г., поэтому первый год президентства прошёл в интенсивной борьбе между их представителями. Весной 2017 г. состав администрации и правительства стабилизировался, но потенциал для острых конфликтов сохранился. Таковым обладали отношения между госсекретарём и помощником президента по национальной безопасности. С одной стороны, М. Помпео один из немногих руководителей ведомств, кто занимает высокие посты с первых дней президентства Д. Трампа. С другой стороны, Дж. Болтон является назначенцем. Немаловажный факт его биографии — работа в администрации Дж. Буша-Младшего. Этот опыт, вероятно, повлиял на восприятие Дж. Болтоном себя в качестве советника Д. Трампа. Дело в том, что Дж. Буш-Младший был сторонником жёстких и решительных действий, в ходе обсуждений он всегда критиковал

сторонников компромисса или иных альтернативных решений. Более того, его администрация и правительство отличались высоким уровнем межведомственного соперничества.

В отличие от Дж. Буша-Младшего Д. Трамп ставит внешнеполитические цели, а далее полагается на высокопоставленных советников, которые объединены в группы в соответствии со сферой профессиональной ответственности. Результатом работы этих групп является внешнеполитическое решение, соотносимое с целями президентского курса. Иными словами, стиль Д. Трампа предполагает партнёрские отношения между советниками, деловое улаживание разногласий в рамках внутриведомственной или межведомственной дискуссии. В этом контексте Дж. Болтон со своим опытом работы в администрации Дж. Буша-Младшего, не отличавшейся взаимопониманием между сотрудниками, оказался, как камень, брошенный в тихую воду.

Последовавшая борьба между помощником по национальной безопасности и государственным секретарём показала, что Дж. Болтон не смог ни адаптироваться к стилю Д. Трампа, ни оказать эффективное влияние на президента. (При этом Дж. Болтон имел прямой доступ к нему и мог постоянно использовать этот канал в своих должностных интересах).

В свою очередь М. Помпео показал себя не только профессионалом, но искусным борцом за влияние. Об этом свидетельствует получение прямого доступа к президенту спецпредставителем США по КНДР С. Бигэном. Таким образом, Госдепартамент стал представлять свою позицию президенту, минуя офис помощника по национальной безопасности. В противном случае помощник не представлял бы президенту документы, которые существенно расходились бы с его мнением, а другие он сопровождал бы записками, в которых расставлял бы акценты предпочтительным для него образом.

Ограниченный в такой возможности Дж. Болтон стал активно продвигать свою позицию с помощью других бюрократических каналов и инструментов, а также СМИ, что и стало ключевой причиной его увольнения президентом.

Детали того, как была прокомментирована отставка, позволяют сделать вывод о некоторых особенностях внешней политики Д. Трампа. Во-первых, комментарий заместителя пресс-секретаря Белого дома Х. Гилди, что «политика Дж. Болтона не соответствовала взглядам президента», свидетельствует, что внешняя политика США до января 2021 г. будет выработываться группами советников, способных коллективно предложить решение, соответствующее целевым установкам президента.

Во-вторых, тот факт, что отставку Дж. Болтона на брифинге прокомментировали М. Помпео, а затем С. Мнучин, свидетельствует, что в условиях неформальной межведомственной субординации Госдепартамент остаётся ключевым органом по планированию и осуществлению внешней политики. В то же время проведение внешнеэкономической политики является прерогативой министерства финансов. Их руководители будут играть роль ключевых советников президента в соответствующих вопросах.

В-третьих, хотя внешняя политика Д. Трампа не изменится, он будет стремиться достичь её целей, полагаясь на дипломатический диалог. Другим методам отводится роль стимулов, побуждающих иностранные правительства принимать решения, соответствующие интересам США.

СОЛОМОНОВО РЕШЕНИЕ

Горячев Николай Николаевич,

Младший научный сотрудник Лаборатории ситуационного анализа Центра Азиатско-Тихоокеанских исследований Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, г. Владивосток
E-mail: goryachev@ihaefe.ru

Goryachev Nikolay N.

Junior research fellow, Laboratory for Strategic Case-studies, Center for Asia-Pacific Studies, Institute of history, archeology and ethnography of Peoples of Far East FEB RAS, Vladivostok
E-mail: goryachev@ihaefe.ru

Государства Океании уже достаточно долгое время находятся в стороне от мировой политики. Будучи действительно небольшими, они как правило остаются в тени Австралии и Новой Зеландии, когда дело касается событий, происходящих в этой части Тихого океана. Однако накануне празднования 70-й годовщины образования КНР, той даты, которая имеет важное значение для всего мира, Соломоновы Острова преподнесли сюрприз, создав прецедент, который способен в будущем изменить геополитическую расстановку не только в Азиатско-Тихоокеанском регионе, но и во всём мире.

16 сентября с.г. парламент Соломоновых Островов подавляющим большинством голосов (27 — за, 0 — против, 6 — воздержались) высказался за установление дипломатических отношений с КНР. После 36 лет дипломатических отношений страна вышла из списка 17 государств, официально признающих Китайскую Республику (Тайвань). Специальная целевая группа, созданная правительством Соломоновых Островов, провела исследование, проанализировав эффект от имеющихся связей с Тайванем и возможные выгоды от дипломатического признания КНР. На основе подготовленного специалистами доклада правительство, соблюдая необходимые процедуры, провело голосование. Это решение поддержал и кабинет министров страны. Несмотря на то, что Тайвань активно лоббировал предотвращение «смены ориентиров», даже прибытие в Хониару, столицу Соломоновых Островов, заместителя главы МИД Тайваня СюйЦзяньСюя (который собирался объявить о «новых проектах для жителей Соломоновых Островов») не изменило ситуацию. МИД Тайваня опубликовал в соцсетях сообщение, заявив, что «персонал и ресурсы будут немедленно выведены с территории Соломоновых Островов». Официально тайваньские дипломаты также заявили, что инициатива по разрыву дипломатических отношений исходила со стороны Тайваня. Эта ситуация вызвала отклик и с другого берега Тихого Океана — сенатор США М. Рубио заявил, что

«правительство Соломоновых Островов находится под давлением Пекина, и он [сенатор] начнёт незамедлительно изучать способы разрыва всех связей США с Соломоновыми Островами, в том числе ограничение для них доступа к доллару, а также банковским расчётам через финансовую систему США». Учитывая, что Рубио является одной из главных фигур республиканцев, имеется основание полагать, что скорее всего он выразил в этих словах мнение всей партии.

Так или иначе, решение было принято демократическим способом, и правительство Соломоновых Островов собирается представить программу по взаимодействию с КНР. Вероятнее всего, страна присоединится к проектам КНР по глобализации мировой торговли и построению новой системы мирового порядка. Выгоды для небольшого государства в данном случае очевидны — участие в китайских проектах способно придать положительный импульс экономике, особенно учитывая, что страна имеет достаточно большие запасы полезных ископаемых, которые в настоящее время не разрабатываются.

На наш взгляд, в данном случае особенный интерес вызывает не столько то, как именно в дальнейшем будут развиваться отношения между Пекином и Хониарой. Гораздо важнее, что из 16 государств, официально признающих Тайвань, 5 (Науру, Кирибати, Палау, Тувалу, Маршалловы Острова) находятся в Океании. И они (за исключением Маршалловых Островов, находящихся в «свободной ассоциации с США») вполне могут заявить о своём признании КНР. Особенно в том случае, если Соломоновы Острова получат явную экономическую выгоду от своего решения, и не подвергнутся санкционному воздействию со стороны своих «традиционных партнёров». Если подобная «цепная реакция» всё же последует, то в дальнейшем к ней могут примкнуть Парагвай, Гондурас, Гватемала и Никарагуа. Учитывая, что КНР давно и успешно проводит политику партнёрства с государствами Центральной и Латинской Америки, четыре вышеупомянутых страны уже имеют возможность убедиться в той пользе, которую можно извлечь из дружбы с КНР. Для Никарагуа это особенно важно, так как весьма вероятно, что именно по причине отсутствия дипломатических отношений между Манагуа и Пекином был заморожен амбициозный проект Никарагуанского Канала, который в случае реализации, может дать этой центральноамериканской стране большое логистическое преимущество.